

УДК 930(47)(075.8)

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ

С. Г. Басырова

*Кандидат исторических наук, доцент
Институт международных отношений
и мировой истории
Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия*

RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE IN THE FIRST HALF OF THE 1990s: METHODOLOGICAL RESEARCH

S. G. Basyrova

*Candidate of Historical Sciences, assistant professor
The Institute of International Relations and World
History of the Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

Abstract. The lecture is devoted to the analysis of theoretical and methodological background Russian historian's research in the first half of the 1990s. This period characterized by a profound crisis in national historiography. One of the reasons was Marxist-Leninist methodology criticism at the end of the 1980s. The crisis of the previous methodology provided a background for scientific pluralism in Russian historiography. The article describes three basic methodological approaches, which attracted Russian historian's attention in the first half of the 1990s: formational, representatives of this approach started a reformation of their methodological tools, popular in this period civilizational approach and the progressive theory of modernization.

Keywords: crisis in national historiography; the start of the scientific pluralism; formational approach; the theory of modernization; methodological revolution.

*Лекционные материалы могут быть использованы при изучении дисциплин
«Историография истории России», «История исторической науки», подготовке спецкурсов
для студентов, обучающихся по специальности «История».*

Общественно-политические процессы рубежа 1980-х – 1990-х гг. кардинальным образом изменили ситуацию в отечественной исторической науке. Она уже не была неким монолитом, сплоченным одной методологией, единой концепцией, выполняющим пропагандистско-идеологические функции в обществе. Былой авторитет советской историографии в обществе был утрачен, прежний характер отношений науки и власти разрушен. Кардинальным образом трансформировались историографическая база развития науки: перестали существовать замалчиваемые, инакомыс-

лящие историки, как отечественные, так и зарубежные. Началась «архивная революция», приведшая к обновлению и расширению источниковой базы исследований. Исчезли препятствия для изучения, применения различных теоретико-методологических взглядов, исторических концепций. Эти изменения создавали условия для преодоления кризиса в отечественной исторической науке.

Историки признавали глубокий кризис отечественной исторической науки, высказывая различные суждения о его причинах, сущности и т.д. Расходясь в понимании

причин кризиса российской историографии и путей выхода из него, практически все они однозначно связывали этот кризис, прежде всего, с кризисом теории и методологии. Об этом свидетельствовали научные семинары, «круглые столы», конференции, материалы которых публиковались в научной исторической периодике. Ведущие историки периодические выступали на страницах журналов «Вопросы истории», «Новая и новейшая история» со статьями теоретико-методологического характера. В журналах были введены отдельные рубрики – «Проблемы методологии истории», «Дискуссии и обсуждения» и т. д. Насущная необходимость разработки теоретических вопросов исторического познания рассматривалась ведущими учеными как необходимое условие преодоления угрозы депрофессионализации исторического знания, наметившейся в начале 1990-х гг.

Кризис марксистско-ленинской методологии создал условия для становления научного плюрализма в первой половине 1990-х гг. Это время бурных методологических дискуссий в отечественной историографии, целью которых был поиск оптимальных методологических моделей осмысления прошлого. Занимаясь поиском новых теоретико-методологических основ исторической науки, большинство ученых отталкивалось от критики марксистско-ленинской методологии, поскольку причины и характер кризиса отечественной историографии связывались чаще всего с ее господством в предыдущий период развития исторической науки. В 1990-е гг. «"марксизм" перестает быть символом научного знания, а, следовательно, утрачивает функцию системообразующего начала в историографической культуре» [3, с. 31].

Не смотря на всестороннюю критику марксизма, представители *формационного* подхода не перестали существовать в российской историографии. Они занялись обновлением своего методологического инструментария, стремясь отбросить все то, что устарело. Н.И. Смоленский писал: «Материалистическая теория как одна из разновидностей объективной методологии

и теории исторического процесса дает возможность разработки иных вариантов логики исторического мышления, выходящих за пределы тезиса об экономической мотивации человеческой деятельности» [6, с. 8].

В рамках исторического материализма стали разрабатываться новые концепции. Известный отечественный востоковед И. М. Дьяконов в своей работе «Пути истории. От древнейшего человека до наших дней» (М., 1994) предложил концепцию фазовых механизмов, которая делила всемирную историю не на пять, как у Маркса, а на восемь общественно-экономических формаций (первобытная, первобытнообщинная, ранняя древность, имперская древность, средневековье, абсолютистская постсредневековая, капиталистическая, капиталистическая и посткапиталистическая). Переход от одной фазы к другой осуществляется не путем революции, а переходным периодом различной длительности. На первое место ученый ставил развитие технологии как главной движущей силы исторического развития, хотя применял и другие критерии выделения формаций: формы хозяйства, наличие эксплуатации и т.д. По мнению И. М. Дьяконова все коммунистические и капиталистические империи при переходе к восьмой стадии распадаются, страны переходят к развитию акционерной системы, которая охватывает все классы и социальные группы [1, с. 117–118].

Взгляды И. М. Дьяконова были раскритикованы философом Ю. И. Семеновым, который предложил свой вариант осмысления прошлого и настоящего на основе историкоматериалистического понимания истории. Он акцентирует внимание на «азиатском способе производства», который называет политарным (от греческого «полития» – государство). Политарный способ производства основан на общеклассовой собственности, а класс эксплуататоров при нем в основном совпадает с ядром государственного аппарата. Ю. И. Семенов пишет, что «общества, которые мы упорно именовали социалисти-

ческими, в действительности или были, или еще до сих пор остаются политаристскими» [1, с. 118].

Многие историки, оставшиеся верными формационному подходу, считали, что понятие «формации» продолжает сохранять методологическое значение. Они указывали, что нет оснований ни отвергать формационный подход, ни абсолютизировать и догматизировать его. Многие представители формационного подхода были открыты для принятия других методологических подходов и направлений. И. Д. Ковальченко писал: «Совершенно очевидно, что формационный подход, как и марксизм в целом, должны занять свое (и отнюдь не последнее) место в открывающемся процессе интеграции философско-исторических и конкретно-исторических подходов и концепций» [2, с. 25]. Поэтому историки стремились преодолеть наиболее уязвимые для критики стороны марксизма, пересмотреть, уточнить понятийно-категориальный аппарат и т. д. Например, ставились вопросы об ограниченности выделения общественно-экономических формаций лишь определенным способом производства, правомерности выделения пяти формаций, соотношения различных укладов в рамках одной формации, вновь поднималась проблема «азиатского способа производства» и т. д. Особенно активно обсуждалась проблема соотношения формационного и цивилизационного подходов.

Особенностью этого этапа развития российской историографии стал поиск макрообъяснительных теорий исторического процесса. Воспитанные в духе универсальной всеобъемлющей теории исторического процесса вчерашние советские историки испытывали потребность найти достойную замену утратившему доверие марксизму. Для огромной части историков такой теорией виделась теория цивилизаций, которая вмещала в себя весь многообразный мир человеческого прошлого.

Ведущее место в теоретических размышлениях историков в первой половине 1990-х гг. принадлежало *цивилизационному* подходу. Важную роль в осмыслении этого

методологического подхода сыграла публикация трудов основоположников теории цивилизаций Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др. Именно этот подход преодолевал многие слабые стороны формационного, историкоматериалистического подхода с его игнорированием культурного своеобразия обществ, человеческого «измерения» истории.

Со своим пониманием цивилизационного подхода и рассмотрением его познавательных возможностей в первой половине 1990-х гг. выступили Л. И. Семенникова, В. М. Хачатурян, М. А. Барг, Б. С. Ерасов, И. Н. Ионов, А. С. Панарин, Е. Б. Черняк и другие. Ученые попытались осмыслить российскую историю с позиций цивилизационного подхода, который, по их мнению, позволяет понять место России в мировом сообществе, понять особенности общественной организации и культуры, сопоставить их опытом других цивилизаций человечества. Однако уже дискуссии первой половины 1990-х г. показали, что среди ученых нет единства мнений относительно того, к какому типу цивилизации относится Россия.

Наиболее распространенной точкой зрения, созвучной основным политическим идеям пришедших к власти либерал-демократов, становится представление о том, что Россия является неотъемлемой частью западной цивилизации, все ее историческое развитие свидетельствует о движении российского общества к усвоению западных либеральных ценностей. Однако оно было насильственно прервано большевиками в 1917 г. Задача современного российского общества заключается в возвращении на этот магистральный путь развития. Обоснованию этой идеи были посвящены работы политологов и историков В. В. Ильина, И. Н. Ионина, Б. Г. Капустина, А. С. Панарина и других. Их противники пытались доказать, что прошлое показывает невозможность укоренения западных ценностей в России, поскольку она относится к другому типу цивилизации, обществам восточного типа (В. Г. Гельбрас, В. С. Мясников). Эта группа авторов, счи-

тали, что российские политики должны взять за образец развития коммунистический Китай, сделавший в 1980–1990-е гг. невиданный экономический рывок [1, с. 112–113].

Популярной становится евразийская концепция особого пути российской цивилизации. Опираясь на идеи, разработанные историками-евразийцами в 1920–1930-е гг., современные авторы Р. Евзеров, С. Ключников, А. Панченко, О. Платонов, С. Хоружий и другие стали развивать мысль о том, что главным фактором развития исторического процесса является «месторазвитие» народа, связь культуры и жизни народа с географической средой. На базе евразийской концепции стало формироваться представление о самобытной российской цивилизации со своей духовностью (православие), коллективизмом (соборность), мощным государством [1, с. 113]. Л. И. Семенникова считает, что « в наворотах политической борьбы первой половины 1990-х гг. евразийская концепция была упрощена, вульгаризирована и стала подспорьем для пропаганды русского национализма» [1, с. 113].

В процессе осмысления истории России с позиций цивилизационного подхода были выдвинуты оригинальные концепции. Среди них одной из первых широко обсуждалась концепция «социокультурного раскола» А. С. Ахиезера, который отнес Россию к «промежуточной цивилизации». Ученый считал, что специфика российской цивилизации заключается в ее расколотом характере, страна как бы разрывается между двумя суперцивилизациями – традиционной и либеральной. В России не сложилось механизма, примиряющего и синтезирующего противоположно направленные процессы, что является источником нестабильности. Изменения в расколотом обществе осуществлялись путем «маятниковых» колебаний [4, с. 157]. Многие историки критически восприняли взгляды философа и культуролога А. С. Ахиезера, отмечая их идеологизированность, «деструктивный» ха-

рактер выдвинутой «промежуточной цивилизации», к которой оказалась причислена Россия.

Л. И. Семенникова предложила рассматривать российскую цивилизацию как «цивилизационно неоднородное общество», она отрицает цивилизационную целостность России. Россия является конгломератом цивилизаций. Л. И. Семенникова признает, что в период Московского царства на основе синтеза различных традиций (древнерусской, византийской, мусульманской, классической восточной) сложилась «русская цивилизация». Но в период империи Россия представляла собой «сегментарное общество», в состав которого входило множество народов с различной цивилизационной ориентацией. Б. Е. Ерасов считал, что идентификационным признаком российской цивилизации являются полиэтничность и поликонфессиональность. Недостаточная степень интеграции российского общества, по мнению Л. И. Семенниковой и Б. Е. Ерасова, обеспечивались ведущей ролью государства. Государство в России компенсировало недостатки цивилизационно-неполноценного организма [4, с. 157].

В рамки цивилизационного подхода укладывалась и особенно популярная в первой половине 1990-х гг. теория тоталитаризма. На эти годы приходится наибольшее количество публикаций, конференций, обсуждений этой теории. По словам В. А. Козлова, «тоталитаристские» интерпретации превратились в историографическую моду... они не только лежали в русле господствующих в то время массовых настроений и ожиданий политических элит, но их было еще и сравнительно легко соединить с практическими навыками написания учебников и «обобщающих» трудов коммунистической эпохи» [1, с. 115]. Историки противопоставляли тоталитаризм и демократию, спорили об общности различных тоталитарных государств в XX в., обсуждали хронологические рамки и сущности советского тоталитаризма.

В литературе первой половины 1990-х гг. термин «цивилизация» был перегружен противоречивыми смыслами. Существовала своего рода «мода» на критику формационного подхода и приверженность цивилизационному, хотя многие историки (особенно молодые в своих диссертациях), лишь заявляли о принадлежности своего исследования этому подходу, не утруждая себя теоретическими размышлениями, не определяя, какой конкретно традиции цивилизационного подхода они следуют, пользуясь, по сути, прежними категориями формационного подхода.

Таким образом, цивилизационный подход не сумел стать альтернативой марксизму, не сумел сплотить отечественных историков вокруг себя в силу своей противоречивости, размытости понятийно-категориального аппарата, отсутствия системности в осмыслении прошлого. Цивилизационный подход не сумел четко ответить на простой вопрос: к какому типу цивилизации принадлежит Россия? (Вариантов ответа, как показано выше, было множество: а) Россия – часть западной цивилизации, б) Россия ближе всего к восточным цивилизациям; в) российская цивилизация представляет особый тип (евразийство, «промежуточная цивилизация» у Ахиезера), г) Россия – конгломерат цивилизаций). Инерция мышления историков в те годы еще требовала однозначного ответа на этот вопрос. Его отсутствие стало одной из причин того, что уже во второй половине 1990-х гг. происходит закат популярности этого методологического подхода.

В первой половине 1990-х гг. получает широкое распространение *модернизационный* подход к истории. В. Д. Камынин считает, что сторонниками модернизационной парадигмы в российской историографии стали те, кто пытался избежать крайностей при «смене вех», т. е. перехода с формационной на цивилизационную позицию. А. К. Соколов указывал, что теория модернизации «идеологически более нейтральна», чем формационный и цивилизационный подходы [1, с. 119].

В эти годы исследователи в основном осваивали различные варианты теории модернизации, разработанные в западной историографии, а также «примеряли» их к российской истории. Эти процессы отразили материалы «круглого стола» «Российская модернизация: проблемы и перспективы» [5], на котором, с одной стороны, рассматривались методологические аспекты, понятийно-категориальный аппарат теории модернизации, с другой стороны, обсуждались сущность, особенности, периоды, перспективы российской модернизации.

Участники «круглого стола» пришли к мнению, что модернизация есть переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Модернизация понималась как комплексный процесс, охватывающий все стороны жизни общества – экономическую, социальную, политическую, правовую, культурную. Историки много внимания уделяли отличиям западной и российской модернизации, выделили стадии последней. Начался процесс выделения различных моделей модернизации применительно к России: кроме ранее выдвинутого понятия «догоняющая модернизация», было заявлено о псевдомодернизации (А. С. Ахиезер), «имперской модернизации» (В. Г. Хорос) и т. д.

Особенно острые споры в эти годы вызывал вопрос о модернизационных процессах в России XX в. Многие авторы стали выделять отдельный период «социалистической модернизации» («тоталитарной модернизации») (О. Лейбович, А. В. Голубев, Ю. Козырев и др.). Однако другие, отождествлявшие модернизацию с рынком и частной собственностью, отказывались выделять такой период (модель модернизации, называя то, что происходило в советскую эпоху, контрмодернизацией (В. А. Красильщиков).

Теория модернизация, возникшая в западной науке в 50–60-е гг. XX в. как альтернатива советскому марксизму, основывалась на близкой отечественным историкам точке зрения на мировой исторический процесс, согласно которой челове-

ство развивается в одном направлении в соответствии с одними и теми же закономерностями. Интерес отечественных историков к теории модернизации в 1990-е гг. был связан с ее актуальностью в методологическом и историческом плане и ее универсальным, междисциплинарным характером [7, с. 8].

Со второй половины 1990-х гг. теория модернизации стала одной из наиболее популярных объяснительных моделей исторического прошлого. Она позволила не только рассмотреть исторический процесс как всеобщее движение от традиционного общества к индустриальному, но и сфокусировать взгляд на особенностях процесса модернизации отдельных обществ. Многие исследователи, разрабатывая различные модели модернизации, в том числе российской, стали активно использовать свои наблюдения, сделанные в рамках цивилизационного подхода.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. действительно происходила «методологическая революция», которая на первый взгляд, как и многие революции, породила «концептуальную анархию» в условиях крушения господства марксизма в науке (Б. Г. Могильницкий) [1, с. 109]. Смысл «методологической революции» заключался в поисках принципиально новых теоретико-методологических основ исторической науки. С одной стороны, российские историки активно воспринимали достижения западной методологии истории, с другой – стремились к созданию оригинальных теорий исторического процесса с опорой на достижения отечественного опыта, в том числе марксизма, которые должны были синтезировать, органически соединить теоретические постулаты, способные объяснить различные стороны исторической деятельности человека. В то же время среди части историков, по наблюдениям В. А. Козлова, наблюдалась «ностальгическая потребность в «универсальных» и «единственно верных» объяснениях мира» [1, с. 109] стремление при-

дать той или иной теории исключительный и всеобъемлющий характер.

Библиографический список

1. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX–XXI века. – Тюмень, 2004. – 208 с.
2. Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 3–33.
3. Логунов А. П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. – М.: РГГУ, 2001. – С. 7–58.
4. Проскурякова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 153–165.
5. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7.
6. Смоленский Н. И. О разработке теоретических проблем исторической науки // Новая и новейшая история. – 1993. – № 3. – С. 5–8.
7. Старостин Б. С. проблемы модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. – М.: Апрель-85, 1995. – С. 8–21.

Bibliografičeskij spisok

1. Zabolotnyj E. B., Kamynin V. D. Istoricheskaia nauka Rossii v konce XX–XXI veka. – Tjumen', 2004. – 208 s.
2. Koval'chenko I. D. Teoretiko-metodologičeskie problemy istoričeskikh issledovanij. Zametki i razmyshlenija o novyh podhodah // Novaja i novejšhaja istorija. – 1995. – № 1. – S. 3–33.
3. Logunov A. P. Otečestvennaja istoriografičeskaja kul'tura: sovremennoe sostojanie i tendencii transformacii // Obrazy istoriografii. – M.: RGGU, 2001. – S. 7–58.
4. Proskurjakova N. A. Konceptii civilizacii i modernizacii v otečestvennoj istoriografii // Voprosy istorii. – 2005. – № 7. – S. 153–165.
5. Rossijskaja modernizacija: problemy i perspektivy (materialy «kruglogo stola») // Voprosy filosofii. – 1993. – № 7.
6. Smolenskij N. I. O razrabotke teoretičeskikh problem istoričeskoj nauki // Novaja i novejšhaja istorija. – 1993. – № 3. – С. 5–8.
7. Starostin B. S. problemy modernizacii: istorija i sovremennost' // Modernizacija i nacional'naja kul'tura. Materialy teoretičeskogo seminar. – M.: Aprel'-85, 1995. – S. 8–21.

© Басырова С. Г.